

Социальное пространство личности

Сит Крейсберг

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ: ДОМИНИРОВАНИЕ, ПОЛНОМОЧИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ*

(перевод с английского Игоря Макова)

Гордость от насилия

За самонасмешливым тоном было ясно – м-р Норрис скрывает свою гордость за «отчаянием, болью и мучениями», которые вызывают у студентов его действия и отношение. Насилие в его языке и изображении очень заметно, и его основополагающая концепция «продуктивных» отношений между студентами и учителем ясна: покорностью достигается академическое превосходство. Выдающаяся цитата на его стене говорит: «Если мы подчиняемся Богу, мы должны не подчиняться самим себе».

Тем не менее многие экс-студенты вспоминают м-ра Норриса как превосходного учителя, достаточное число этих студентов, очевидно, ради школы считают свой успех основанием для сбора средств в нее. Один бывший студент, теперь актер, вспоминал: «Английский язык оживал с Норрисом. Он внушал мне желание работать хорошо и аккуратно». Другой, окончив-

---

* *Kreisberg S. Transforming Power: Domination, Empowerment and education. – N.Y.: State University of N.Y., 1992. Продолжение. Начало: Развитие личности. – 2010. – № 3. С. 186–192.*

ший школу, вспоминает, что «посредством его методов преподавания – прямых вопросов, сочного голоса и той ужасной деревянной указки – он требовал от нас быть требовательными к себе». И в угрожающем завете к силе отношений доминирования, который следует копировать и передавать дальше, один экс-студент, теперь учитель, отмечает, что м-р Норрис – это *«...модель, которую я продолжаю использовать для самооценки как учителя и советника»*.

Принятие
превосходства как
покровительства

Студенты, по-видимому, не воспринимают м-ра Норриса с большой любовью, и он не ожидал от них этого. Но они выражают глубокую оценку, по их мнению, того, что он научил их писать и что он сделал изучение английского языка привлекательным. Почему-то, когда действуют отношения доминирования, страх унижения и чувства лишенности голоса и нахождения на низшей ступеньке общества игнорируются и забываются, или хуже, принимаются. По крайней мере, в ретроспективе многие экс-студенты принимают превосходство м-ра Норриса, его жесткость, его покровительственное отношение, потому что они чувствуют, что эти отношения были оправданы – они чувствуют, что то, что он делал, было ради их собственного блага*.

Переплетение заботы
и доминирования

Наша культура ставит людей подобно м-ру Смиуту и м-ру Норрису в положение образца прекрасного преподавания: как переплетены заботы и доминирование в «Желтых обоях». Школы – это места, в которых отношения доминирования разыгрываются широко каждый день между учителями и студентами, и всегда это доминирование оправдано в лучших интересах студентов. Многие, как женщина в «Желтых обоях», студенты ограничены местоположением, которые им указано и слишком часто соглашаются с тем, что кто-то другой знает, что для них является благом, где кто-то еще контролирует их жизнь и повседневные точки зрения, и где их мнения рассматриваются свысока и игнорируются. Их успех в школе измеряется их покорностью своим учителям и родителям, их готовностью принять роли и стандарты, которые установили для них. Тем, кто отвергает эти требования, наносится ярлык «приносящий проблемы», «проблемный студент», «плохо приспособленный», «немотивированный» или «лишенный культуры». Они «не работают в полную силу»,

* Из брошюры для сбора денег. Кафедра гуманитарных наук Джонса Элумни.

часто они получают низкие оценки; они полагаются на психологическое тестирование; они оставляются в школе после уроков. Как можно чаще им предписывается находиться среди студентов или своих «дальних родственников». Для многих студентов их «желтые обои» – это пастельная краска на шлакоблочных стенах. Они – фигуры, пойманные в ловушку, имеющие недостаток уважения их мнений и внимания и нуждающиеся в контроле их жизни.

Подчинение
и покорность или
сопротивление

Принимают ли студенты подчинение и покорность, которые от них требуют, или же сопротивляются им – все это относится к взаимоотношениям доминирования. Возьмите среднюю школу в США: каждый день несколько миллионов подростков в возрасте между 14 и 18 годами загнаны в бетонные катакомбы, вынуждены сидеть за партами по 50 минут за раз, от 6 до 7 часов ежедневно. По большей части они слушают взрослого человека, который излагает им информацию, малую часть которой они удерживают в памяти в течение долгого времени. Регулярно их просят повторить по памяти эту информацию снова в бесконечном потоке текстов, опросов и листов с упражнениями. Часто они должны просить разрешения, чтобы сходить в ванную комнату. Они разделены возрастом и академическими «достижениями», которые, кроме того, часто переходят в образчики расовой, классовой и половой сегрегации. Когда они расспрашивают об этих типах сегрегации, им отвечают, что это для их же блага.

Критика
авторитарности

На протяжении большей части истории образования в США существовала постоянная критика его авторитарного и приручающего характера – его акценте на послушании и социализации в существующем положении.

За последние 30 лет богатая и осуждающая литература аккумулировала то, что раскрывает классовые, расовые и половые компоненты, которые пропитывают школьные структуры, содержание школьных программ и педагогику. Один из самых восприимчивых критиков этого типа преподавания – бразильский воспитатель Паоло Фрейре. П. Фрейре (1970) описывает то, что он называет «бэнкинг»-образование. Существенные характеристики этого типа образования – это отношения между учителями и студентами, которые П. Фрейре описывает таким образом:

Типы отношений
учителя и ученика

1. Учитель учит, а студенты учатся.
2. Учитель знает все, а студенты не знают ничего.
3. Учитель полагает, а студенты воспринимают его мнение.

«Бэнкинг»-
образование

4. Учитель говорит, а студенты слушают – кротко.
5. Учитель устанавливает дисциплину, а студенты следуют распорядку.
6. Учитель делает выбор и укрепляет его, а студенты соглашаются.
7. Учитель действует, а у студентов остается иллюзия того, что они действуют через действие учителя.
8. Учитель выбирает содержание, а студенты, с которыми не советовались, приспособляются к нему.

Метод «бэнкинга» является предпосылкой к тому, что П. Фрейре называет «учитель/студент – противоречие», суть которого в педагогическом взаимоотношении доминирования и подчиненности: учитель действует, а студенты являются объектом действия.

П. Фрейре также описывает отношения в «бэнкинг»-образовании между студентами и знаниями, которые они должны впитать: *«Учитель говорит о реальности, как будто она неподвижна, статична, отделена перегородками и предсказуема. Или же он гоняет их по предмету, который совершенно чужд опыту студентов. Его задача – наполнить студентов содержанием, которое отделено от реальности».*

Подобно осуществлению банковского вклада, учитель «вкладывает» знание в студента и затем делает «изъятие» в форме тестов и опросов, и методического расспроса. Знание отделено от опыта студента. Чье-то понимание того, что кто-то еще думает, является важным. Тем не менее представляется как истина, что студент должен что-то накопить в уме и по требованию извлечь оттуда. Студент переживает знания как положено сверху, впитанные посредством акта подчинения.

Понимание людей
как легко приспособ-
ляющихся,
управляемых
существ

Самые глубокие уроки «бэнкинг»-образования редко сформулированы ясно, но их невысказанный характер не уменьшает способность влиять на то, как люди видят мир и действуют в нем: *«Концепция “бэнкинг”-образования рассматривает людей как легко приспособляющихся, управляемых существ. Чем больше студенты работают по сберегательным депозитам, тем меньше они вырабатывают критическое сознание, которое проистекало бы от их вмешательства в мир как преобразователей этого мира. Чем более полно они принимают пассивную роль, возложенную на них, тем больше они склонны просто приспособляться к миру, такому, каков он есть, и фрагментированному виду реальности, вложенному в них».*

Обучение
иерархичности
мира

В действительности «бэнкинг»-образование содержит мощный скрытый учебный курс*, который учит студентов тому, что мир иерархичен, что сильный часто поступает по своей воле и плохо чувствует других, что они должны знать свое место в иерархии, потому что не существует альтернативы как только либо быть контролирующим, либо контролируемым. «Бэнкинг»-образование культивирует пассивность, приспособляемость, покорность, соглашательность и неоспоримое принятие власти. Оно создает мир без студентов, оно обезчеловечивает, оно отрицает переживания и мнения студентов, оно душит креативность, оно лишает ощущения власти. Оно внушает нашим детям, что с ними что-то не так, что это скорее они, чем школы и общество, нуждаются в приведении в порядок.

Связь «бэнкинг»-образования с доминированием, подавлением и насилием в обществе

Изучение последовательно показало, что метод «бэнкинг»-преподавания – преобладающий подход в школьных классах в США, особенно на втором уровне обучения. По иронии, вопреки своему в основном антидемократическому характеру и эффектам, «бэнкинг»-образование применяется и поддерживается во имя равенства, свободы и демократии. Однако, «бэнкинг»-образование – это не просто аномалия, шаткое противоречие с несоциальной функцией. Наоборот, «бэнкинг»-образование выполняет насущную функцию в обществе США; оно отражает, усиливает, узаконивает и повторяет эти социальные, политические и экономические структуры и отношения доминирования, которые воспроизводят безвластие людей. Таким образом, «бэнкинг»-образование помогает поддерживать эти самые структуры и помогает сохранить навсегда эти отношения. П. Фрейре прямо связывает «бэнкинг»-метод образования с более широким оборотом образцов доминирования, подавления и насилия в обществе. Он пишет: *«Способность “бэнкинг”-образования минимизировать или аккумулировать творческий потенциал студентов и стимулировать их легкоеверие служит интересам угнетателей, которые не хотят иметь открытый мир и видеть его измененным... Угнетение – подавляющий контроль – это некрофилия; оно питается любовью к смерти, а не к жизни. «Бэнкинг»-концепция образования, которая служит*

* Концепция «скрытый учебный курс», разработанная рядом теоретиков за последние 20 лет, является весомой концепцией для понимания и описания неустановленных и часто скрытых способов, которыми школы и преподавание воздействуют на учеников (Гироу и Пёпел, 1983).

интересам угнетения, это та же некрофилия. Основанная на механистической, статической, натуралистической, пространственной точке зрения на сознание, она трансформирует студентов в объекты накопления. Она пытается контролировать мысли и действия, ведет людей к тому, чтобы они подогнали себя к миру, и сковывает их творческую силу».

Учитель как центральная фигура власти и контроля

Учителя сами занимают парадоксальное место в переплетении институционального и идеологического доминирования в школах. Хотя они являются центральными фигурами власти и контроля в классных комнатах, в более широкой иерархии преподавательской бюрократии они заметно изолированы и часто поразительно безвластны. Джон Дьюи наблюдал в 1903 году, что модель преподавательского менеджмента, существующего в его времена, должна была иметь «предписание некоего специалиста преподавательских методов и предметов – материалов группе пассивных и восприимчивых учителей» (Дьюи, 1940). Он продолжал наблюдать: *«Предписание, по крайней мере, в теории, предметов – материалов, которые должны быть изучены, учителю, который должен окупиться в актуальную работу инструкции, и часто во имя плотного контроля, попытка определить методы, которые должны быть использованы в преподавании, означает не более и не менее чем намеренное ограничение интеллекта, лишение свободы духа...»*

Нет ничего необыкновенного в том, чтобы найти методы преподавания таких предметов, как чтение, правописание и арифметика, официально составленные; приблизительные темы в истории и географии предусмотрены готовыми для определенного учителя; сокровища литературы соответствуют последовательным возрастным категориям мальчиков и девочек» (Дьюи, 1940).

Он описывает общее отношение к учителям периода того времени: *«Доказано, что существующий корпус учителей не готов иметь свое мнение в регулировке преподавательских материалов»* (Дьюи, 1940).

Школы и школьные системы устроены по принципу ярусов в пирамиде

Наблюдая американские школы 40 лет спустя, Теодор Сайзер (1983) отмечает, что школы и школьные системы устроены по принципу ярусов в пирамиде, с советами управления и администраторами на вершинах, в классных комнатах в основании. Он отмечает: *«Индивидуальный инструктор или группы инструкторов редко решают, каковы будут основные контуры их учебного плана. Это передается либо административно старшими коллегами, либо непрофессиональными советами директо-*

ров, часто с разработанными руководствами по преподаванию...^{*} Учителям назначают количество времени, которое они должны проводить с каждым классом – скажем, 55 минут 5 раз в неделю. Хотя ожидается, что они компетентные знатоки дела, они редко имеют доверие в выборе текстов и материалов для преподавания, которые они должны использовать... С учителями редко консультируются и еще меньше им дают значительную власть в отношении правил и предписаний, управляющих жизнью их школы; они обычно приходят из “Даунтаун”. Редко они имеют какое-то влияние на то, кто будут их непосредственные коллеги; это тоже решает “Даунтаун”... Преподаванию часто не хватает чувства собственности, чувства работы в команде среди учителей и что школа принадлежит им».

Бюрократический менеджмент школ – от нехватки таланта и мотивации учителей думать самим

Работа Д. Карнеги «Сила урока в преподавании как профессии» вторила наблюдениям Т. Сайзера: «Школы... действуют как будто консультанты, эксперты окружных школ, авторы текстов учебников, тренеры и далекие от них официальные лица владеют более подходящими знаниями, чем учителя в школах. Бюрократический менеджмент школ происходит от мнения, что учителям не хватает таланта или мотивации думать самим» (текст доклада Д. Карнеги, 1986).

Борьба учителей за участие в процессе принятия решений в школах

Доклад Д. Карнеги может сигнализировать о поворотном пункте в борьбе учителей за участие в процессе принятия решений в школах. Ведущие фигуры в педагогике с точками зрения, расходящимися с официальными, как у президента Национальной образовательной Ассоциации Мэри Хэтвуд Футрелл и бывшего министра образования Терренс Белл подчеркнули необходимость участия учителей в принятии решений, отражающих растущую тенденцию в образовании**.

Эти недавние инициативы указывают на сложные и часто противоречивые силы, воздействующие на школы и учителей. Тема увеличенного контроля учителей всплыла на поверхность одновременно с увеличивающейся централизацией в принятии решений,

* Силберман (1970), Гудлэд (1983) и Сайзер (1984) – это три примера из широкого ряда наблюдаемых на местах исследований, которые открыли подобные реальности в школах.

** Недавние нововведения в «управлении на базе школы», такие, как в Дейд Каунти, Флориде, общественные школы (Фиске, 1988) отражают эту тенденцию, как, например, тот факт, что раздел полномочий среди учителей была одна из самых повторяемых фраз на ежегодном съезде Ассоциации за Развитие Контроля и Учебного Курса (ASCD) в Бостоне в 1988 г.

частично как ответ на давление ради «ответственности»*. Что кажется ясным, так это то, что мало изменилось в основной структуре принятия решений в большинстве школ в прошедшие 43 года. Примеры организованного менеджмента, который отнимает у учителей участие в принятии решений и который предписывает учебную программу и методы обучения, учителям – это выражение также примеров доминирования и бессилия, которые характеризуют отношения «студент – учитель»**. Подобно «бэнкинг»-образо-

---

* Степень централизации в принятии решений в школах варьируется по государствам и регионам, так же как по городским и пригородным границам. К примеру, преподаватели социальных наук в богатом пригороде Массачусетс в школах по большей части имеют широкую свободу выбора материалов для учебного курса и методов преподавания, в то время как в Бостоне в высшей школе недавнее обследование городских учителей (Олсон, 1988) отражает эти наблюдения и указывает на все увеличивающиеся чувства бессилия среди городских учителей. Тем не менее, в то время как опыт в связи с бессилием учителей может меняться по степеням, ошеломляющее доказательство опыта учителей и недавнего исследования определенно указывает, что с очень высокой степенью вероятности учителя не включились как полноценные партнеры в число принимающих решения по финансовым вопросам и вопросам, связанным с личным составом и учебным планом, которые воздействуют на их профессиональную жизнь.

** Однако возросшее участие учителей в принятии школьных решений – это не панацея для перемен в педагогике в образовании США. Даже в тех школах, в которых учителя были или становятся облаченными реальной властью в принятии решений, возможность педагогических перемен и инноваций часто ограничена собственным преподавательским опытом учителей. Сила и распространенность преобладающих культурных норм создают препятствия превышению учителями своих традиционных ролей как «бэнкинг»-преподавателей. По большей части, мы были воспитаны «бэнкинг»-методами и программами обучения учителей, которые редко исследуют альтернативы «бэнкинг»-образованию с какой бы то ни было реальной глубиной и содержанием. Вдобавок, широко распространенное презрение учителей в США к педагогической теории, особенно теории, которая связывает обучение с более широкой социальной и политической культурой и рассматривает образование как средство распространения для социальных перемен, создает барьер развитию педагогических альтернатив. В результате, в то время как увеличивающееся участие учителя в принятии решений – это важный шаг вперед по многим причинам, неясно, даже сомнительно, неотъемлемо ли видят повышенное участие учителей в принятии решений по учебному курсу и управлению в школах к развитию подходов к преподаванию, которые не основаны на предпосылках «бэнкинг»-образования. Это не означает «поричать» учителей за «бэнкинг»-образование, но скорее указать на их сложные и часто противоречивые роли и опыт внутри распространенной паутины «бэнкинг»-образования.

ванию они также помогают увековечить более обширные примеры социального, политического и экономического бессилия и несправедливости.

Отношения доминирования

Власть как способность контролировать, манипулировать и принуждать других людей ради собственных целей

В широком спектре институтов, которые формируют нашу жизнь, люди имеют власть над другими людьми, то есть люди имеют способность контролировать, манипулировать и принуждать других людей ради собственных целей. Эти отношения доминирования не случайно и наобум развиты. Скорее, те самые структуры наших социальных институтов и преобладающие нормы, ценности и убеждения нашего общества санкционируют, действительно определяют и укрепляют. Их способность контролировать и манипулировать другими также происходит из привилегированного доступа к высокоценным ресурсам и контроля над ними, таких, как образование, личное благосостояние, обеспечение жилья, еда, забота о здоровье и оружие.

Доминирование в политических институтах

Отношения доминирования существуют в политических институтах. Они принимают форму правящих элит, которые манипулируют аппаратами управления в свою пользу, будь форма политической власти тоталитарной, авторитарной или же спорно демократической. Примеры контроля меньшинства над большинством очень ясны и неприкрыты в таких странах, как Южная Африка и Гаити. Однако политическое доминирование также встречается с разными степенями сложности и утонченности в таких разных странах, как Советский Союз, Иран, Никарагуа и США. Фактически во всем мире компания по контролю над людьми создает спектр жестоких и несправедливых ситуаций, простирающихся от войны и политических убийств до пыток, заключения в тюрьму диссидентов, терроризма, цензуры, экспроприации собственности и манипулировании посредством пропаганды и укрепившихся в партиях политиков. Политическое бессилие прямо связано с отношениями доминирования, порожденными политической активностью.

Доминирование в экономических институтах

Отношения доминирования также процветают в наших экономических институтах и системах. По всему миру от наций, промышленно менее развитых, до высоко развитых в этом ключе наций, от капиталистических экономик до экономик, контролируемых государством, экономические отношения показывают образцы доминирования, которые разжигают насилие и увековечивают бессилие. Эти образцы формируются в иерархиче-

ских, отчуждающих и эксплуатирующих экономических отношениях, ключевое из которых – это дифференциация между теми, кто имеет доступ к богатству и контроль над ним, и теми, кто не имеет. Очень существенно мы видим результаты экономического доминирования в огромном расхождении в стандартах жизни среди разных наций, регионов и людей. Бессилие бедности неоспоримо и распространено.

Доминирование
в эксплуатации
иммигрантов

Мы также видим отношения доминирования в эксплуатации нелегальных и легальных иммигрантов в США. На наших фабриках и предприятиях с потогонной системой и в сокращении среднего класса США, страны, двигающейся в направлении все больше и больше поляризованного общества богатых и бедных. Мы видим эти примеры в строгой иерархии принятия решений в промышленности «Первого», «второго» и «третьего» миров одинаково. Мы видим их в действиях Американских компаний, которые эксплуатируют дешевый заграничный труд для внутреннего потребления топлива.

Доминирование
в семье

Эти распространенные образцы доминирования, иерархии и контроля также характеризуют движущую силу отношений внутри семьи и между полами через спектр культурных традиций. Семья находится во власти отца-мужа, чей «дом – его замок». Мужское чувство права контроля над женщинами и детьми выражается через общество. Это неслучайное стечение обстоятельств, что мужчины доминируют в политике, экономике и семье. Мужское доминирование наиболее очевидно в статистике по изнасилованиям, надругательству над детьми и избиениям супруги.

Доминирование
в расовых
отношениях

Эти образцы доминирования снова приходят на ум в отношениях между и среди рас. По своей сути расизм – это теория превосходства. Теория обретает форму на практике, когда одна расовая группа имеет неравный доступ к ресурсам общества и контролю политических и экономических институтов общества. В США расизм выражается в экономической и политической маргинализации и исключении цветных людей. Он также выражен в возрастающем насилии против цветных людей.

Похожие образцы доминирования можно найти в структуре отношений среди членов многих религиозных конфессий. Отношения доминирования внутри различных религиозных конфессий сформированы по особой концепции Бога как отца. Люди – дети Бога, и через веру от них требуется покориться воле Бога, подчиниться

Доминирование западного человека над окружающим миром

написанному и растолкованному слову. Это отношение доминирования отражается в роли раввина, священника и жреца, и это самое очевидное в особом доступе духовенства к интерпретации писания. Таким образом, иерархия, подчинение и доминирование увековечены через многие формы религиозной практики и опыта.

Доминирование также характеризует западную концепцию человеческого отношения над естественным миром. В центре этой концепции человеческий импульс создать более предсказуемый и физически комфортный мир. Желание царствовать над природой нарушило хрупкое равновесие между современным обществом и окружающей средой. Мы видим отражение этой неконтролируемой урбанизации и ее последствия в виде загрязнения и в обществе потребления, жадно ищущего материального немедленного удовлетворения, в то же время показывающие малую заинтересованность в последствиях, к которым в долгосрочной перспективе приведут их пустые затраты. Желание покорить природу привело к реальности таковой, что мы быстро разрушаем то, что дает нам жизнь. Катастрофы Чернобыля, Три-Майл-Айленда, Бхопала, «парниковый эффект», вырубка тропических лесов и гонка ядерного оружия представляют крайности этого способа мышления, перспективу, которая в конце концов самоубийственна.

Отношения доминирования и подчинения в образовании переплетены с доминированием во всей нашей культуре

Образование характеризуется подобными образцами доминирования так же, как экономика, политика, религия и семья. Авторитаризм и иерархия этих образцов в другом контексте вновь появляются в классных комнатах и школах с пугающей частотой. Все, что мы видели повсюду, воплощенное в политическом лидере, капиталисте, менеджере, отце, религиозном лидере или Боге, повторяется в роли учителя, ректора и «администратора центрального офиса». Отношения доминирования и подчинения, которые были описаны ранее в отношениях «студент – учитель» и «студент – знание» и в педагогике классной комнаты, сложно переплетены с доминированием во всей нашей культуре.

Таким образом, мы видим по ряду обществ и институциональных структур внутри обществ, что мир делится на иерархии, характеризующиеся отношениями доминирования. Это поле боя победителей и побежденных, где только немногие могут победить. Внутри этой парадигмы отношения вертикальны. Неравенства во власти рассматриваются как не только неизбежность, но как существенные для поддержки наших институтов.

Концепции
«культуры»,
«гегемонии»
и «идеологии»

Как мы объясняем вездесущность доминирования в нашем мире? Как отношения и структуры доминирования поддерживаются? Какие механизмы порождают веру в неизбежность доминирования? Для понимания связей между доминированием или обучением и механизмами, посредством которых доминирование воспроизводит себя, полезны три концепции. Это концепции «культуры», «гегемонии» и «идеологии».

Концепция
культуры
для понимания
движущей силы
доминирования

Концепция культуры существенна для понимания движущей силы доминирования. Макларен определяет культуру как «особый образ жизни, в котором социальная группа выживает и придает смысл своим “обусловленным” обстоятельствам и условиям жизни». Культура состоит из «набора навыков, идеологий и ценностей, от которых различные группы черпают что-либо для придания миру смысла» (Макларен, 1988) Выразительность и преимущество особых культур и культурных форм внутри общества прямо связаны с движущей силой доминирования в этом обществе. В особенности культура тесно связана с движущей силой и структурой классовых, половых, расовых отношений и отношений разных возрастных групп и является фактически областью конфликта среди конкурирующих форм знаний и опыта, а на самом деле среди конкурирующих культур. Таким образом, как раз исследуя природу и двигающую силу культур и культурных конфликтов, мы можем начать понимать те области, в которых особые навыки, институты и структуры узаконены, и договориться увековечить доминирование.

Самооправдание
доминирования
и подчинения

Распространенность доминирования внутри, среди и посредством культур наводит на мысль, что доминирование поддерживается посредством более тонких процессов, чем применение грубой силы. Доминирование увековечено через способность тех, кто доминирует, получать согласие подчиненного без понимания подчиненным того, что он участвует в своем собственном подавлении. Например, часто односторонность доминирования спрятана под покровом выставленной напоказ благожелательности. И доминирующий, и доминируемый констатируют и верят, что эти отношения в интересах обоих. Так, колонизатор всегда имеет аргументы, доказывающие то, почему колонизация в интересах колонизатора и колонизированного: колонизатор несет колонизируемому Христианство, развитие, литературу, гигиену и т.д. Капиталист убеждает, что свободный рынок улучшает стандарты жизни для всех экономических уровней общества. Родители дока-

зывают, что их насилие и контроль для собственного блага ребенка. Учителя убеждены, что их мудрость и опыт дают им право предписать свои убеждения своим студентам без сопротивления.

И довольно часто подавляемый принимает, по крайней мере, на поверхностном уровне, эти обоснования. Подавляемые принимают тот образ их, который представляется доминирующему. Многие студенты убеждены, что нуждаются в учителях, чтобы те сказали им, что делать и что сами они не способны делать выбор самостоятельно. Некоторые женщины убеждены, что каждой семье нужен глава дома и что мужчины имеют соответствующий генетический и психологический типаж, чтобы управлять семьей, в то время как женщины имеют подходящие предрасположенности к подчиненности и к поддержке мужских привилегий.

Принятие своего
порабощения

Заклучение, которое следует здесь сделать, это не то, что подавляемые получают то, что заслуживают и не то, что доминирование оправдано, если униженные принимают свое порабощение. Скорее, эта дискуссия нацелена на более сложный анализ доминирования, анализ, который помогает объяснить столкновение доминирующего и доминируемого в принятии и поддержке отношений доминирования. Она просит нас взглянуть более глубоко на то, как специфические отношения доминирования размещены внутри переплетений идеологических и структурных сил поддержки, которые формируют образцы, настолько распространенные и стойкие на всех континентах и во всех культурах, что многие, если не большинство людей, верят, что отношения доминирования неизбежны, уместны и естественны – неотъемлемая часть того, что означает быть человеком.

Концепция
гегемонии –
как взаимное
подтверждение
доминируемых
и подчиненных

Насыщение сознательности и переживаний доминированием заключено в концепции гегемонии. Как определял Антонио Грамши, гегемония – это процесс, посредством которого доминантные группы предписывают свои концепции реальности всем подчиненным группам. Раймонд Уильямс описывает гегемонию как «целый комплекс действий и ожиданий; передача нашей энергии, наше привычное понимание мужчины и его мира. Это выбор значений и ценностей, которые когда испытаны на опыте, в действии оказываются взаимно подтверждающими. Она, таким образом, представляет собой ощущение реальности для большинства людей в обществе, ощущение полное, потому что испытано как реальность, за которой для большинства чле-

нов общества очень трудно реализовать в большей части областей нашей жизни» (ЭППЛ 1979).

Макларен описал гегемонию как «культурную упаковку значений, тюрьму для языка и идей» (1988). Это процесс, через который доминантная культура доставляет символы, представления, права и обычаи, которые обрамляют, формируют и принуждают к тому, что нам делать и говорить, принципы, которые лежат в основе наших мыслей и действий, и более широкие структуры, которые формируют наши переживания в различных институтах, в которых мы живем (семья, школа, место работы, правительство и религиозные институты). Грамши (1972) доказывает, что это насыщение сознания и переживаний так глубоко, что реальность доминирования представляет собой вид реальности общего значения.

Доминирующая идеология – контролирующий набор представлений, убеждений, ценностей

Чтобы завершить это насыщение, гегемония воздействует как на ум, так и на тело человека. Концепция идеологии, решающая в понимании этого процесса. Доминирующая идеология представляет собой контролирующий набор представлений, убеждений, ценностей, идей и восприятий, которые передаются через интеллектуальное наследие культуры, ее народную культуру и ее понимание «общего значения» мира, представленного в разных формах СМИ, знаний фольклора и ежедневных форм коммуникаций. То есть распространенный набор идей и способов рассматривать реальность составляет индивидуальное сознание и как оправдывает доминирование, так и скрывает его.

Однако идеология и гегемония прямо воздействуют на человека – то есть на уровень наших ежедневных бессознательных переживаний.

На фундаментальные уровни: кто мы такие, что хотим, в чем нуждаемся, что создаем, сформированы образцами и заведенными порядками нашей повседневной жизни. Частично это происходит через процесс, посредством которого идеология просачивается глубоко внутрь наших личностей, в глубине нашего бессознательного, формируя наши личности, потребности и желания. Я хочу доказать все-таки, что процесс, посредством которого социальные навыки становятся устоявшимися и воспроизводят самих себя, как связан с идеологическими процессами воспроизводства, так и отличается от этих процессов. Люди склонны относиться к другим так же, как относятся к ним. Мы склонны действовать так же, как видим и переживаем действия других. Образцы отношений усиливают и повторяют себя.

Опыт становится устоявшейся привычкой. Фактически гегемония – наиболее всеохватывающая, когда доминирующая идеология выражена и отражает ежедневный опыт и масштаб социальных устоев и структур в обществе. В этом обществе отношения доминирования поддерживаются именно таким соотношением сознания и опыта, которое, хотя никогда не полное и не статичное, все же влиятельное и всеохватывающее.

За границами доминирования

Люди как агенты
социальных перемен

Фундаментальное убеждение, поддерживающее эту книгу, это то, что несмотря на распространенность примеров доминирования, мы как индивидуальные человеческие существа, действуя вместе с другими, можем быть агентами социальных перемен. Вера в человеческое посредничество, в способность индивидуума делать свой выбор управляет моей преданностью образованию и является ключевым стимулом для написания этой книги. Образцы доминирования не являются неизбежным отрогком человеческой природы. Доминирующее поведение – это социальное явление. Упрямо настойчивые как они есть, образцы доминирования, в конце концов, сформированы людьми и, следовательно, преобразуемы человеческими действиями.

Школа как место
соперничества
и борьбы
за контроль

Недавняя работа в критической педагогике, так же как и в сферах, далеких от образования, указала на то, что доминирование в школах и обществе не функционирует без сучка и задоринки. Скорее, появляется более сложный анализ, который раскрывает способы, которыми школы не только воспроизводят доминирование, но и производят сопротивление доминированию. Школы – это фактически места актуального соперничества и борьбы за контроль. Теоретики сопротивления предлагают важную способность проникновения в возможность человеческого посредничества и образовательной и социальной трансформации.

Сопротивление
в ситуациях
доминирования

Сопротивление без труда видно в большинстве ситуаций доминирования. Пока механизмы гегемонии сильны, они всеохватывающие, и всегда характеризуются противоречиями и конфликтами. Подавляемые редко полностью соглашаются на свое подавление. Многие отвергают теории доминирующего относительно их низшего положения и сопротивляются точке зрения, что их покорность для их же блага. Многие жители колоний отвергают колонизацию, и многие люди с цветной кожей отвергают исключение их из общества и маргинализацию. Женщины отвергают объективизацию, рабочие –

произвольные нормы работы, а студенты – предположения о своей инфантильности. Женщина из «Желтых обоев» пишет вопреки попытке мужа остановить ее. И я тоже отказывал м-ру Смитту, не позволяя ему шлепать меня рукой. Мои родители поддерживали мою позицию, и я не помню, чтобы когда-то был отшлепан им.

Действительно, в школах студенты сопротивляются выполнению домашней работы и препятствуют началу уроков. Они разрабатывают замысловатые системы обмана и воздействия на психику учителей. Они курят сигареты и марихуану в школьных ванных комнатах и продают наркотики на школьных лестничных площадках. Они находятся под воздействием ярлыков, повешенных на них учителями, и носят одежду, которая раздражает взрослых. Они отказываются принимать участие в некоторых курсах и делают попытки изменить несправедливые правила. Фактически, кажется, не существует навязывания доминирования, которое одновременно не создает форм сопротивления. Гегемония никогда не является завершенной. В момент отвержения доминирования располагаются семена трансформации и свободы.

Школы – «спорные публичные сферы»

Ясно поэтому, что школы не просто повторяют доминирование с систематической точностью. Наоборот, это места, где существует борьба за контроль. Они являются, по словам Аронович и Гирс (1985), «спорными публичными сферами», которые имеют потенциал для поддержки социальной трансформации. Концепция Девея относительно школ как простых отношений более фундаментальных, экономических, классовых отношений, была заменена более утонченным и усложненным понятием доминирования и сопротивления, понятием, которое признает взаимосвязанность институтов, возможности человеческого посредничества и реальный, но ограниченный потенциал для действий каждого человека повсеместно, чтобы начались социальные перемены.

«Допустимый мир»

Распространенность доминирования как обычного образца отношений, его широкое присутствие в ряду культур и доминирующих идеологий и его связь с насилием и несправедливостью наводит на мысль о существовании двух центральных проблем для тех, кто пытается создать педагогику полномочий. Первое, мы должны разработать крайне необходимое понимание доминирования. Это требует развития необходимой культурной грамотности, которая может раскрыть то, что Максим Грин назвал «допустимый

мир», и те модели, по которым доминирование действует в обществе и в нашей жизни.

Прежде всего это предусматривает, что мы должны определить и исследовать ситуации, которые представляют возможности для сопротивления и перемен.

Второе, и я думаю, даже более фундаментальное – мы должны найти новые модели отношений, которые не основаны на доминировании и покорности и не организованы в иерархии власти и безвластия. Ибо хотя мысль и действие сложно связаны в праксис, мы не должны смешивать реализацию нашей потребности в альтернативе доминированию и нашу критику того, как доминирование работает с трансформирующим проектом замысла и создания новых форм человеческих отношений. Это требует альтернативных моделей мышления относительно нас самих, наших сообществ и нашего мира. А если более глубоко, это требует развития новых моделей бытия с другими людьми, которые могут подпитать возникновение необходимой осведомленности и помочь появлению нового набора потребностей и желаний в ежедневной жизни. Это не значит, что модели для этих альтернативных способов мышления и установления связей уже не существует. Скорее, это признает потребность в определении того, где альтернативы доминированию развиваются, и протяженность их сфер применения, а также в исследовании и приложении сил, чтобы радикально развить новые формы отношений. Это исследование является центральным пунктом этой книги: определять и исследовать в теории и на практике формы отношений, которые могут вскормить наделение полномочиями отдельного человека и других членов общества.

(Продолжение следует.)
